ВИТЕБСКЪ. Сорокъ второй годъ 26 Мая.
(Существуетъ съ 1874 г.)

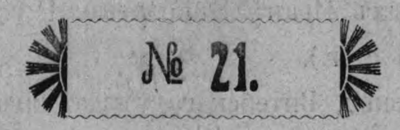
ПОЛОЦКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

выходятъ еженедѣльно

1915 годъ.

Цѣна: за годъ **пять** руб. **50** коп, за полгода - **три** руб., съ пересылкою. Подписка принимается у оо. благочинныхъ епархіи и въ редакціи „Вѣдомостей, при Витебскомъ Епархіальномъ Свято-Владимірскомъ Братствѣ.

Редакція проситъ оо. и гг. сотрудниковъ. что бы рукописи, присылаемыя въ Редакцію для напечатанія, были написаны *разборчиво и четко на одной страницѣ. Не разборчивыя рукописи не подвергаются разсмотрѣнію.* Рукописи безъ означенія условій считаются *безплатными*. Авторы, желающіе имѣть отдѣльныя оттиски своихъ статей, заявляютъ о томъ *на самой рукописи,*—оттиски дѣлаются за особую плату по счету типографіи. Статьи, не принятыя Редакціей, по желанію высылаются авторамъ за ихъ счетъ—(по присылкѣ нужнаго количества марокъ) обратно, невостребованныя статьи по истеченіи года уничтожаются. Мелкія замѣтки—не болѣе писаннаго листа возврату не подлежатъ. ОБЪЯВЛЕНІЯ принимаются для печатанія за 1 стран. 5 р., за 1/2 стр. 3 р., за 1/4 стр. 2 р., строчка—20 коп. При повтореніи объявленій дѣлается скидка по соглашенію.

СОДЕРЖАНІЕ.

Полоцкія Епархіальныя Вѣдомости.

Движенія и перемѣны по службѣ.

По распоряженію Епархіальнаго Начальства.

Утверждаются въ должности церковнаго старосты:

Струнской церкви, Полоцкаго уѣзда, крестьянинъ Струнской волости, дер. Слободы Николай Іаковлевъ Бураковъ на четвертое трехлѣтіе (съ 15 мая с. г.).

Бононской церкви, Полоцкаго уѣзда, крестьянинъ Вѣтринской волости, дер. Боровыхъ Иванъ Николаевъ Рудакъ—на первое трехлѣтіе (съ 15 мая с. г.).

Горолевской церкви, Витебскаго уѣзда, крестьянинъ Яновичской волости, дер. Иванькова Димитрій Кирилловъ Савченко—на первое трехлѣтіе (съ 16 мая с. г.).

Вѣтринской церкви, Лепельскаго уѣзда, крестьянинъ Вѣтринской волости, дер. Шашки Прокофій Ивановъ Шашокъ—на второе трехлѣтіе (съ 18 мая с. г.).

Мураговской церкви, Полоцкаго уѣзда, крестьянинъ Николаев-

ской волости, дер. Залучья Стефанъ Өеоктистовъ Емельяновъ— на первое трехлѣтіе (съ 18 мая с. г.).

Лемницкой церкви, Витебскаго уѣзда, крестьянинъ Яновичской волости, дер. Логовъ Константинъ Ивановъ—на первое трехлѣтіе (съ 20 мая с. г.).

Вакантныя мѣста:

Священническія:

При Витебскомъ каөедральномъ соборѣ (ключаря).

Осынской церкви, Себежскаго уѣзда.

Городецкой церкви, Велижскаго уѣзда.

Псаломщическія:

При Полоцкомъ Софійскомъ соборѣ.

Слободзинской церкви, Себежскаго уѣзда.

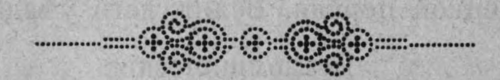

Редакторъ оффиціальнаго отдѣла *Н. Беренскій.*

1915 года. № 21. 26 мая.

Полоцкія Епархіальныя Вѣдомости.

Неоффиціальный отдѣлъ.

Идеалы славянофиловъ и современная война.

Россія переживаетъ сейчасъ значительный историческій моментъ. „Намъ суждено быть свидѣтелями и участниками величайшей міровой борьбы, борьбы двухъ, взаимно-исключающихъ другъ друга началъ: борьбы идеи мира, свободы народовъ и права—противъ идей всепоглощающаго милитаризма, безправія и грубого насилія. Стремленію къ мирной трудовой жизни и спокойному, свободному сожительству народовъ на основѣ взаимнаго уваженія противопоставлена идея крови и желѣза, порабоженія себѣ всего міра, подчиненія его своеобразной культурѣ германской и бронированному кулаку" [1]).

Если таковъ смыслъ настоящей борьбы и если нашему отечеству приходится играть сейчасъ одну изъ самыхъ главныхъ ролей въ развернувшейся міровой драмѣ, то вполнѣ естественно

[1]) Изъ рѣчи Предсѣдателя Госуд. Думы 27 янв. 1915 г.

стремленіе русскихъ людей не только осмыслить переживаемыя события, но и, поставивъ ихъ въ связь со всѣмъ прошлымъ русской исторіи и сдѣлавъ возможный прогнозъ грядущихъ, тѣсно связанныхъ съ переживаемымъ моментомъ, событій,—вспомнить свои завѣтныя національныя думы и идеалы, оживить свои историческія надежды и сдѣлать, если это возможно, переоцѣнку важныхъ историческихъ цѣнностей. Міровая война, естественно, выдвигаетъ на сцену міровой важности вопросы: эта война есть борьба національностей и культуръ. „Всѣ важнѣйшія нити міровыхъ судебъ сплелись нынѣ въ одинъ трагическій узелъ; война ведется за выборъ основныхъ путей человѣческаго духа“ [1]).

Какова же роль въ этой борьбѣ нашего отечества? Какіе идеалы будущаго рисуются сейчасъ въ русскомъ народномъ сознаніи и что представляется намъ въ далекой, повидимому, перспективѣ конца этой ужасной борьбы! Невольно приходится задумываться сейчасъ надъ этими вопросами и того или иного рѣшенія ихъ искать не только въ духовномъ содаржаніи современной жизни русскаго народа, но и въ исторіи русскаго религіозно-національнаго самосознанія, въ прошломъ русской культуры.

Обращаясь къ исторіи русскаго національнаго самосознанія, мы видимъ, что вопросъ о томъ, что такое Россія, какъ самостоятельное и независимое національное цѣлое, и каковы ея будущіе культурные пути,—остро поставленъ былъ и рѣшенъ еще въ первой половинѣ XIX вѣка такъ называемыми славянофилами.

Мы не намѣрены сейчасъ излагать взгляды писателей славянофильской школы подробно; мы коснемся лишь историко-политическихъ воззрѣній двухъ замѣчательныхъ русскихъ писателей, ученыхъ публицистовъ, которые хотя и сопричисляются собственно къ представителямъ славянофильской школы, но болѣе всѣхъ дру-

[1]) Вяч. Ивановъ. Русск. Мысль 1914 г. декабрь.

ихъ сдѣлали для теоретическаго, научнаго, обоснованія славянофильства, Н. Я. Данилевскаго и К. Н. Леонтьева [1]).

Удивительна судьба этихъ двухъ замѣчательныхъ русскихъ людей. Высоко даровитые (даже геніальные, какъ ихъ иногда называютъ), научно-образованные, болѣе другихъ посвятившіе свои силы изученію и обоснованію національной идеи и создавшіе такіе научно-литературные труды по этому вопросу, которые должны бы составить эпоху въ исторіи русскаго національнаго самосознанія,—они и при жизни своей не признавались современниками и по смерти не были достойно оцѣнены потомками. Почему же?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ, намъ кажется, слѣдуетъ искать, прежде всего, въ самомъ характерѣ этихъ писателей и ихъ твореній. Если, какъ говоритъ одинъ изъ самыхъ серьезныхъ идейныхъ противниковъ названныхъ писателей—В. С. Соловьевъ [2]), въ области публицистики, соціально идейнаго проповѣдничества, быстрое вліяніе и большое значеніе достигаются писателями-оппортунистами, удовлетворяющими наличнымъ вкусамъ и инстинктамъ толпы, служащими ближайшимъ интересамъ современности—то названные писатели не принадлежали къ подобному разряду публицистовъ. Они были слишкомъ оригинальны и высоки въ умственномъ отношеніи, глубоки въ отношеніи своихъ убѣжденій и въ то же время „эстетически прихотливы“ [3]) для того, чтобы быть любезно принятыми широкой русской публикой.

Но съ другой стороны, есть иныя причины непопулярности этихъ писателей,—болѣе серьезныя и коренящіяся въ самомъ характерѣ и содержаніи ихъ литературно-публицистическихъ трудовъ.

---

[1]) Мы останавливаемся сейчасъ, главнымъ образомъ, на двухъ замѣчательныхъ книгахъ этихъ писателей: „Россія и Европа“ Данилевскаго и „Востокъ, Россія и Славянство“ Леонтьева.

[2]) В. С. Соловьевъ. Собр. соч., изд. „Просвѣщеніе“. т. IX, стр. 401.

[3]), В. Соловьевъ. Тамъ же.

Очевидно, самыя идеи, носителями и проповѣдниками которыхъ были названные писатели, не были популярны въ широкихъ кругахъ русской интеллигенціи. Идея самостоятельнаго, независимаго отъ другихъ народовъ, существованія и міровою предназначенія славянскихъ и, въ частности, русскаго, народовъ была очень нелюбезно принята въ нашемъ отечествѣ. Когда,—въ первой половинѣ 19-го вѣка,—нѣкоторые, несомнѣнно, лучшіе русскіе люди, составившіе небольшой кружокъ, обратились съ призывомъ къ русской интеллигенціи возвратиться къ основнымъ исконнымъ началамъ своей народности, признать специфическія особенности психическаго строя русскаго народа кореннымъ началомъ русской культуры,—то эти благороднѣйшіе люди встрѣчены были въ нѣкоторыхъ кругахъ съ недоумѣніемъ и удивленіемъ, а въ большинствѣ случаевъ съ грубыми насмѣшками и издѣвательствомъ. Ясно было, что русскіе люди, обнаружившіе въ своей исторіи столько слѣпой подражательности ко всему приходившему съ Запада, подавленные иногда дѣйствительнымъ, а по большей части—искусственнымъ авторитетомъ Европы, боясь проявить свою собственную иниціативу, страшились даже самой мысли о возможности этой русской иниціативы, какого то самостоятельнаго русскаго культурнаго пути. Славянофиламъ, какъ извѣстно, суждено было вступить въ ожесточенную борьбу съ такъ называемыми западниками, и эта борьба, не прекращающаяся въ нѣкоторыхъ областяхъ жизни даже и понынѣ, лучше всего свидѣтельствуетъ о непопулярности, непріемлемости, такъ сказать, для большинства русскихъ интеллигентныхъ людей славянофильскихъ идей.

Не вдаваясь въ подробную характеристику славянофильства, остановимся сейчасъ на одномъ изъ самыхъ важныхъ теоретиковъ его—Н. Я. Данилевскомъ, и его книгѣ „Россія и Европа“ [1]),

[1]) С.П.Б. 1871 г., изд. тов. „Обществ. Польза“.

содержащей въ себѣ блестящее обоснованіе славянофильскихъ идей. Въ этой книгѣ Данилевскій подробно и научно обосновываетъ главный славяно-фильскій тезисъ, состоящій въ томъ, что каждый самостоятельный народъ, каждое историческое племя призваны осуществлять въ своей жизни начала, коренящіяся въ особенностяхъ ихъ психическаго строя, самостоятельно исполнять свою историческую миссію. Если же этого нѣтъ, если тотъ или другой народъ не въ состояніи быть культурно-независимымъ, сказать міру свое собственное слово, то онъ является народомъ неисторическимъ, онъ совсѣмъ пропадаетъ для исторіи, превращаясь въ простой этнографическій матеріалъ, удобреніе почвы для развитія другихъ самостоятельныхъ культуръ.

Обоснованію этого общеславянофильскаго взгляда служитъ впервые Данилевскимъ провозглашенная такъ называемая „теорія культурно-историческихъ типовъ". Съ точки зрѣнія этой теоріи, человѣческій прогрессъ не есть непрерывное и послѣдовательное движеніе впередъ, развитіе какого-либо одного начала, въ каковомъ процессѣ принимаютъ послѣдовательное участіе всѣ народы, выступающіе постепенно на историческое поприще. По Данилевскому, прогрессъ—это постепенное откровеніе міру все новыхъ и новыхъ сторонъ человѣческаго духа. Всѣ историческіе народы принимаютъ въ этомъ участіе, но не всѣ они развиваютъ одно и то же начало. Они, независимо другъ отъ друга, дѣлаютъ свое дѣло; ихъ общая задача—проявить всѣ способности человѣческаго духа и съ этой цѣлію исходить все поприще общечеловѣческой культуры и во всѣхъ направленіяхъ. Въ этой общечеловѣческой работѣ принимаютъ участіе только тѣ народы, которые въ состояніи сказать міру свое собственное слово, образовать самостоятельный „культурно-историческій типъ".

Такихъ „типовъ" Данилевскій насчитываетъ много. Народы образущіе тотъ или другой культурно-историческій типъ, не все-

цѣло отъединенно и независимо дѣйствуютъ въ исторіи: они во многомъ вліяютъ другъ на друга, но они совершенно самостоятельны въ самомъ существенномъ,—въ основныхъ началахъ культуры, которыя присущи тому или другому культурному типу. Эти начала, являющіяся специфическими особенностями какой либо національности, не передаваемы отъ одного типа къ другому.

Всѣ славянскіе народы составляютъ особый самостоятельный культурно-историческій типъ, религіозная сторона культурной дѣятельности котораго составляетъ его специфическую особенность.

„Со стороны объективной, фактической русскому и большинству прочихъ славянскихъ народовъ достался историческій жребій быть вмѣстѣ съ греками главными хранятелями живого преданія религіозной истины—православія, и такимъ образомъ быть продолжателями великаго дѣла, выпавшаго на долю Израиля и Византіи, быть народами богоизбранными. Со стороны субъективной, психической—русскіе и прочіе славяне одарены жаждой религіозной истины, что подтверждается какъ нормальными проявленіями, такъ и самыми искаженіями этого духовнаго стремленія“ [1]).

Нельзя не отмѣтить, что несмотря на необыкновенную логическую стройность, силу и убѣдительность доказательствъ, приведенныхъ въ книгѣ Данилевскаго, ихъ глубокую научную обссновованность, чего не могли не признать нѣкоторые критики ея [2]),— все же громадное большинство изъ нихъ отнеслось къ „новоизмышленной“ теоріи не благосклонно. Такъ одинъ изъ самыхъ серьезныхъ критиковъ теоріи Данилевскаго,—В. С. Соловьевъ, призналъ взгляды Данилевскаго принципіально непріемлемыми и научно необоснованными [3]).

---

[1]) Н. Данилевскій. „Россія и Европа“, стр. 511.

[2]) К. Бестужевъ-Рюминъ „Теорія культ,-истор. типовъ“.

[3]) В. Соловьевъ. „Національный вопросъ въ Россіи“.

Не намъ рѣшать вопросъ, о томъ, насколько обносновaны научно воззрѣнія Данилевскаго. Этотъ вопросъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ представителей науки, даже и не можетъ быть рѣшенъ въ настоящее время удовлетворительно 1). Мы имѣемъ въ виду обратить сейчасъ вниманіе на тѣ изъ его пророчествъ о Россіи и славянствѣ, которыя въ настоящій, переживаемый нами, знаменательный историческій моментъ, по нашему мнѣнію, должны имѣть большой интересъ для всѣхъ русскихъ людей.

Въ своей книгѣ Данилевскій въ связи съ теоріей „культурно-историческихъ типовъ", рѣшаетъ еще вопросъ о томъ, что такое въ своей „исторіи и духѣ" Европа, по сравненію съ Россіей, и почему первая враждебна второй. По этому поводу Данилевскій говоритъ, что терминъ „Европа" имѣетъ смыслъ не географическій, а культурно-историческій, что это есть сама „романо-германская цивилизація". Враждебность по отношенію къ намъ этой именно „Европы" не случайна, а глубока и непримирима. Россія не можетъ принадлежать къ Европѣ; Европа не признаетъ насъ своими, видитъ въ славянствѣ чуждую себѣ стихію, съ которой сродниться никогда не въ состояніи. Онимъ словомъ, по Данилевскому, Россіи предстоитъ не миръ, а лишь борьба съ „романо-германской" Европой, борьба не на жизнь, а на смерть.

Можемъ ли мы теперь согласиться съ этимъ мнѣніемъ Данилевскаго? Современная дѣйствительность, повидимому, не оправдываетъ это пророчество. Россія, правда. ведетъ сейчасъ отчаянную борьбу, но не со всей Европой, а только частью ея, не съ романо-германскимъ міромъ, а лишь германскимъ, который, въ свою очередь, объединился съ чуждымъ европѣ по происхожденію мадьяро-турецкимъ міромъ. И несомнѣнно, что не за себя только, не за свои лишь собственные національные, или даже славянскіе,

---

1) В. Завитневичъ. „Русскіе славянофилы": Кіевъ 1915 г., стр. 9—10.

интересы борется сейчасъ Россія: она борется и за вселенскій, сверхнародный идеалъ правды, мира и справедливости. „Что восторжествуетъ на землѣ—миръ или мечъ, честный трудъ или облекшееся въ государственное всеоружіе хищничество“?—Этотъ вопросъ стоитъ сейчасъ предъ Россіей и она, борясь противъ международнаго хищничества и насилія, воплощеннаго въ воинствующемъ германизмѣ, спасаетъ не себя только, какъ національное цѣлое, но и высшіе сверхнаціональные идеалы человѣчества.

Не совсѣмъ правъ Данилевскій и въ своей характеристикѣ романо-германскихъ народовъ. Эти народы характерезуются у Данилевскаго одной, всѣмъ имъ будто бы свойственной чертой—насильственностью. Факты, очевидцами которыхъ являемся мы, не совсѣмъ соотвѣтствуютъ этому утвержденію Данилевскаго. Мы видимъ, что въ современной Европѣ есть не только, дѣйствительно, народы—носители идеи насилія, сдѣлавшіе ее высшимъ принципомъ международныхъ отношеній („сила выше права“)—но и народы, противящіеся насилію, готовые, какъ, напр. бельгійцы, пожертвовать жизнью и цѣлостію своего государства, лишь бы спасти свою честь и достоинство. И къ этимъ народамъ въ настоящій моментъ у насъ не только нѣтъ вражды, но и устанавливается съ ними братство, какъ по оружію, такъ и, въ особенности, по сознанію общности культурно историческихъ и моральныхъ задачъ. Европа, которая Данилевскому представлялась такой однородной, монолитной, теперь оказывается принципіально разъединенной на двѣ части—латинскую и германскую. И въ эту войну, оказывается, латинскій геній впервые сознапъ въ полной силѣ какъ свою непримиримую противоположность германскому культу насилія, такъ и свое близкое родство, по духу, съ геніемъ славянскимъ. Въ настоящее время для насъ ясно лишь одно: герман-

---

[1]) Русск. Мысль 1914 г., декабрь.

скій міръ и Россія, стоящая во главѣ славянства,—это, дѣйствительно, два существенно различные культурно-историческіе типа, ведущіе человѣчество къ разнымъ цѣлямъ и разными путями. „Цѣль Германіи—культура вещественная, требующая для своего успѣха милитаризма; цѣль Россіи—культура духа, основанная на принципѣ братскаго единенія людей и требующая для своего торжества христіанской любви“ 1).

Такимъ образомъ, въ настоящее время не находитъ себѣ подтвержденія пророчество Данилевскаго о необходимости—для нашего торжества нашей борьбы со всей Европой, Данилевскій утверждаетъ, что Европа, уже прожившая цвѣтущій періодъ своего культурнаго развитія и клонящаяся къ упадку, не допуститъ безъ отчаянной борьбы, чтобы Россія заняла подобающее ей мѣсто главы новаго, славянскаго, культурно-историческаго типа. Прежде всего, разумѣется, вопросъ о томъ, что Европа изжила свои силы и клонится къ упадку—вопросъ спорный. Затѣмъ, очень сомнительно предположеніе, будто бы намъ предстоитъ торжество только послѣ побѣды надъ всей Европой. Подобное предположеніе могло бы имѣть смыслъ только въ томъ случаѣ, если-бы въ настоящее время Россія на знамени своемъ написала старую славянофильскую и въ то же время ультра-націоналистическую мечту о русскомъ народѣ, какъ исключительно народѣ мессіанскомъ, въ отличіе отъ прочихъ, какъ единственномъ въ мірѣ народѣ-богоносцѣ, носителѣ истинной культуры,—въ связи съ презрительными отзывами о гниломъ Западѣ.

Ясно, что эта славянофильская формула въ настоящее время не можетъ быть принята во всей своей цѣлости даже самыми горячими русскими патріотами. Для всѣхъ очевидно, что наша родина вступила въ эту ужасную борьбу не подъ однимъ лишь зна-

---

1) В. Завитневичъ. «Русскіе славянофилы».

менемъ національности или вѣры: въ настоящій моментъ она руководится другимъ, еще болѣе высокимъ нравственнымъ началомъ.

„Задача, навязанная намъ исторіей,—говоритъ одинъ современный публицистъ,—чужда противоположности Востока и Запада; она въ одинаковой мѣрѣ возвышается надъ антагонизмомъ племеннымъ и вѣроисповѣднымъ. Это—задача по существу сверхнародная, универсальная,—задача всеобщаго политическаго возрожденія всѣхъ порабощенныхъ національностей... Въ этомъ совпаденіи національнаго интереса съ идеалами справедливаго, христіанскаго отношенія къ другимъ національностямъ заключается великое счастье Россіи. Ея важнѣйшая международная задача есть вмѣстѣ съ тѣмъ и возвышенная нравственная и религіозная задача, ибо это—задача христіанскаго разрѣшенія національнаго вопроса“ [1]).

Наличность такого нравственно-высокаго мотива въ политической русской идеологіи, на самомъ дѣлѣ, фактъ первостепенной важности. Дѣствительно, если бы мы, согласно пророчеству Данилевскаго, выступили сейчасъ лишь въ качествѣ непримиримыхъ противниковъ всей Европы, имѣя въ виду лишь благо славянскихъ народовъ, какъ отдѣльнаго „культурно-историческаго типа“, то наша политика не имѣла бы въ основѣ своей нравственно-христіанскаго начала. Къ тому же и практически эта политика была бы едва-ли цѣлесообразна; какъ защитники только славянскихъ интересовъ, мы скорѣе могли бы возстановить противъ себя другіе народы и не достигли бы поставленныхъ себѣ цѣлей.

Теперь мы должны перейти къ самому важному пункту культурно-политической программы Данилевскаго: вопросу о Царьградѣ или такъ называемой восточной проблемѣ, являющейся краеугольнымъ камнемъ этой программы. Но этотъ вопросъ лучше разрабо-

---

[1]) Кн. Е. Трубецкой. Русск. Мысль 1914 г., декабрь.

танъ у другого замѣчательнаго теоретика славянофильства— К. Леонтьева, къ которому мы теперь и обратимся.

Необходимо замѣтить, что К. Леонтьевъ, этотъ геніальный поэтъ византизма и всеславянства, какъ называютъ его въ нѣкоторыхъ соціально-консервативныхъ кругахъ [1]), или „геніальный философъ реакціонной политики“, какъ величаютъ его въ современныхъ либеральныхъ кругахъ [2]), былъ фанатичнымъ проповѣдникомъ своеобразной, оригинальной, славянской культуры, самостоятельнаго славянскаго „бытія“. Судьбы Россіи, ея культурная самобытность,—вотъ вопросы, волновавшіе и тревожившіе Леонтьева. Его литературно-публицистическіе труды по восточному вопросу— книги пророческія, книги яркихъ предвѣстій и проницаній въ смыслѣ великихъ событій, свидѣтелемъ которыхъ является наше время. Трудъ К. Леонтьева „Византизмъ и славянство“—это, какъ говоритъ одинъ современный публицистъ,—„ключъ ко всей русской исторіи, это раскрытіе всего смысла русской культуры, всего нашего назначенія, то вѣщее созданіе, которое принадлежитъ вѣкамъ и оцѣнивается исторіей“ [3]).

„У Россіи,—говоритъ К. Леонтьевъ,—особая политическая судьба. Интересы ея носятъ какой то нравственный характеръ поддержки слабѣйшаго, угнетеннаго. Она поставила себѣ правила поддерживать и защищать права христіанъ. Интересы ея совпадаютъ съ желаніями слабѣйшихъ. Это историческій фатумъ“ [4]).

Не оправдывается ли въ наше время это замѣчательное предъугаданіе Леонтьевымъ историческаго назначенія Россіи!

Мысль о всеславянствѣ главная, основная мысль всѣхъ политическихъ пророчествъ Леонтьева, но необходимо имѣть въ виду,

---

[1]) Новое Вр. № 13163,

[2]) Н. Бердяевъ. „Sub specie aeternitatis“.

[3]) Новое Вр. № 13163.

[4]) К. Леонтьевъ. „Востокъ, Россія и славянство“, стр. 29.

что Леонтьевъ предуказываетъ особый, оригинальный характеръ всеславянскаго союза.

Главная славянофильская политическая формула Леонтьева слѣдующая: „Для существованія славянъ необходима мощь Россіи. Для силы Россіи необходимъ византизмъ. Тотъ, кто потрясаетъ авторитетъ византизма, подкапывается подъ основы русскаго государства. Тотъ, кто воюетъ противъ византизма, воюетъ косвенно и противъ всего славянства,—ибо что такое племенное славянство безъ отвлеченнаго славизма? Неорганическая масса, легко расторгаемая вдребезги, легко сливающаяся съ республиканской всеевропой! А славизмъ отвлеченный, такъ или иначе, но съ византизмомъ долженъ сопрячься. Другого крѣпкаго дисциплинирующаго начала у славянъ разбросанныхъ мы не видимъ, онъ единственный надежный памятникъ нашего не только русскаго, но и всеславянскаго охраненія... Византизмъ есть своего рода образованность или культура, имѣющая свои опредѣленные признаки, начала и историческія послѣдствія“ 1).

Вотъ объ этой то особой славянской культурѣ, которая могла спаять славянство и сдѣлать его самостоятельнымъ и независимымъ отъ Европы, кекъ представительницы особой, неславянской культуры,—говоритъ болѣе всего Леонтьевъ.

„Представляя себѣ мысленно византизмъ, мы видимъ предъ собою какъ бы строгій, ясный планъ обширнаго и помѣстительнаго зданія. Мы знаемъ, что византизмъ въ государствѣ значитъ самодержавіе. Въ религіи онъ значитъ христіанство съ опредѣленными чертами, отличающими его отъ западныхъ церквей, отъ ересей и расколовъ. Въ нравственномъ мірѣ мы знаемъ, что византійскій идеалъ не имѣетъ преувеличеннаго понятія о личности человѣческой, что онъ отвергаетъ надежду на всеобщее благо-

---

1) К. Леовтьевъ. «В„ Р. и С.», стр. 165.

денствіе народовъ, знаемъ разочарованіе византизма во всемъ земномъ“ [1]).

Носителемъ и представителемъ этой культуры, по Леонтьеву, въ настоящее время является Россія; это—не страна, не государство только, а цѣлый особый міръ [2]), имѣющій свой самобытный стиль, свою душу, великую судьбу и назначеніе.

Судьба Россіи опредѣляется отнюдь не племенными особенностями русскаго народа: ея задачи не только славянскія, т. е. племенныя, а „культурно-обобщающія“. „Россія не была и не будетъ чисто славянской державой. Чисто славянское содержаніе слишкомъ бѣдно для ея всеміpнаго духа“ [3]). Она есть носительница великихъ и нравственно-высокихъ едей. Она мистична, а пути ея—это пути высшихъ идей и влеченій.

Россія, воспитанная въ духѣ византійскихъ началъ и, вслѣдствіе этого, являющаяся самодовлѣющей и великой культурной цѣнностію, не растворившейся въ потокѣ западно-европейскаго „эгалитарно-либеральнаго прогресса“,—должна поставить византизмъ краеугольнымъ камнемъ воспитанія и всего прочаго славянства. Только въ этомъ видитъ Леонтьевъ великую культурно-историческую миссію Россіи по отношенію къ славянству, а не въ племенномъ объединеніи славянъ, которое одно, само по себѣ, можетъ быть даже вреднымъ для Россіи, какъ государства [4]).

Въ политическомъ отношеніи для Россіи полезно даже быть въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ другихъ славянъ, при необходимости, однако, ихъ „тяготѣнія на почтительномъ разстояніи“ [5]) къ русскому колоссу, являющемуся опорой ихъ не только духовнаго,

---

[1]) К. Леонтьевъ, тамъ же. стр. 113—114.

[2]) Тамъ же, стр. 380.

[3]) Тамъ же, стр. 19.

[4]) К. Леонтьевъ. Тамъ же, стр. 18.

[5]) Тамъ же, стр. 257.

но и физическаго бытія. Но это тяготѣніе славянъ къ России явится само собой. Главное—дать имъ почувствовать всю силу и великую значимость того-культурно-историческаго начала (византизма), благодаря которому мы стали тѣмъ, чѣмъ является въ настоящее время, т. е великой Россіей.

Для Россіи же византизмъ явился поистинѣ животворнымъ началомъ.

Онъ явился творческой силой русской государственности, религіи, общественности и семейственности. „Византизмъ,—говоритъ Леонтьевъ,—организовалъ насъ, система византійскихъ идей создала наше величіе, сопрягаясь съ нашими патріархальными простыми началами, съ нашимъ грубымъ славянскимъ матеріаломъ“ [1]). Византизмъ—это наша „нервная система“, наша національная психологія [2]). „Тутъ и смиреніе и мистицизмъ и духовный индивидуализмъ и „охранительныя“ наклонности,—весь тотъ цементъ, который держитъ и гармонизируетъ зданіе русской государственности. Монархическое начало проникаетъ всю Русь насквозь, государственная идея преобладаетъ въ мельчайшихъ тканяхъ быта,—покорность, неподвижность, равнодушіе къ матеріальнымъ условіямъ и подъемъ духа въ минуты, когда угрожаетъ опасность царю и религіи, государственный инстинктъ народа, религіозный скрѣпъ многоплеменнаго и междоусобнаго русскаго славянства и объединеніе Руси на этомъ скрѣпѣ, автономная личность въ быту и вѣрноподданная въ въ государственномъ смыслѣ, наконецъ, главное, нашъ „талантъ повиновенія“ (опредѣленіе Карлейля), нашъ нравственный принципъ мірового бытія, вотъ что создаетъ и просвѣщаетъ необъяную Русь“ [3]).

Вотъ почему, по мнѣнію Леонтьева, „измѣняя даже въ тай-

---

[1]) К. Леонтьевъ. Тамъ же, стр. 145.

[2]) Тамъ же, стр. 139.

[3]) Нов. Время № 13163.

ныхъ помыслахъ нашихъ этому началу (византизму), мы погубимъ Россію, ибо помыслы, рано или поздно могутъ найти себѣ случай для практическаго выраженія“ 1).

Только при условіи усвоенія и проведенія въ жизнь этого животворнаго начала всѣми славянскими народами можно, по мнѣнію Леонтьева, надѣяться на свѣтлое будущее славянства; только тогда можно будетъ увидѣть, новое разнообразіе въ единствѣ, всеславянское цвѣтеніе съ Россіей во главѣ“ [2]). Это оригинальная форма союзнаго государственнаго быта, въ которой несоразмѣрно большій членъ будетъ органически преобладать надъ меньшими, чтобы вышло именно то приблизительное согласіе, котораго вовсе не доставало на Западѣ до сихъ поръ [3]).

Леонтьевъ очень боится, чтобы будущій всеславянскій союзъ или федерація, въ необходимость образованія которой онъ вѣритъ, не уклонились отъ своего историческаго призванія: быть стражемъ восточнаго православія; славянскій союзъ для Леонтьева—это вопросъ судьбы православія. Онъ страстно желаетъ видѣть не только племенное славянское объединеніе, завладѣніе Царьградомъ, изгнаніе турокъ изъ Европы и т. д., но и, главнымъ образомъ, духовное единеніе славянъ на почвѣ православія. „Панславизмъ—неизбѣжность, говоритъ онъ, но панславизмъ православный есть спасеніе, а панславизмъ либеральный есть гибель прежде всего для Россіи“ [4]).

На развалинахъ Турціи Леонтьеву рисуется въ будущемъ всеславянское объединеніе, подъ религіозно нравственной гегемоніей Россіи; на берегахъ Босфора—новый Римъ славянства, центръ византиско-славянской духовной культуры.

---

[1]) К. Леонтьевъ. Тамъ же, стр. 145.

[2]) Тамъ же стр. 255.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же, стр. 364.

Интересны разсужденія Леонтьева о Константинополѣ—Царградѣ. Царьградъ—это наша духовная отчизна, центръ нашего духовнаго и государственнаго притяженія. „Кромѣ насъ никто не долженъ смѣть и думать о Босфорѣ"—говоритъ Леонтьевъ. „Намъ прежде всего нуженъ вселенскій престолъ на Босфорѣ для дальнѣйшаго церковнаго домостроительства". Великій день „разсѣченія Гордіева узла на Босфорѣ"—это поднятіе Креста надъ Св. Софіей русской рукой [1]. „При самомъ искреннемъ удаленіи русскаго правительства того или другого періода отъ мысли завладѣть Босфоромъ, судьба Россіи, ея роковой ростъ, которому нельзя положить предѣла до тѣхъ поръ, пока она не исполнитъ своего назначенія, ея религіозныя преданія, ея коммерческіе интересы, т. е. самыя идеальныя и самыя грубыя ея побужденія влекутъ ее къ неизбѣжному завладѣнію Босфоромъ". Здѣсь будетъ центръ „великаго восточно-православнаго союза" съ Россіей во главѣ [2]. Вотъ тотъ высокій религіозный идеалъ, ради котораго Леонтьевъ желаетъ славянскаго объединенія, но онъ рѣшительно отрицаетъ необходимость этого объединенія для какого-либо не глубокаго, не казистаго, сѣренькаго идеала племеннаго объединенія и „либерально-эгалитарнаго прогресса".

Что особенно важно замѣтить при сужденіи объ этихъ религіозно-политическихъ пророчествахъ Леонтьева,—такъ это то обстоятельство, что они писаны въ самое несоотвѣтствующее этимъ пророчествамъ время, послѣ Берлинскаго конгресса, когда многіе русскіе люди принуждены были отказаться отъ мысли о благопріятномъ для Россіи рѣшеніи восточнаго вопроса. И тогда, конечно, никто не слушалъ эти „безумныя" рѣчи Леонтьева; онѣ казались нелѣпыми, совершенно несоотвѣтствующими историческому моменту. А между тѣмъ, въ наши дни рѣчи Леонтьева кажутся

---

[1]) Тамъ же, стр. 310.

[2]) Тамъ же, стр. 454.

геніальными пророчествами; къ нимъ прислушиваться сейчасъ заставляетъ неумолимая логика историческихъ событій. Если отбросить нѣкоторыя крайнія мнѣнія нашего публициста, то окажется, что сейчасъ (постепенно) исполняется очень многое изъ того, о чемъ предвѣщалъ онъ: и всеславянская миссія Россіи, и распаденіе Турціи, и судьба Царьграда.

Въ настоящій моментъ частью разыгрываются, частью подготовляются такія событія, которыя знаменуютъ для Россіи, дѣйствительно, открытіе новой, національно-культурной, эпохи ея жизни. Россія, воспитанница и наслѣдница Византіи, воспріявшая элементы византійской культуры и обогатившая ими содержаніе своей собственной національной культуры, — сейчасъ чрезъ Константинополь снова прорубаетъ себѣ окно въ Европу, имѣя въ виду выступить тамъ уже не какъ ученица Запада, а какъ представительница особаго культурнаго міра, съ своимъ собственнымъ лицомъ и новымъ словомъ.

Вотъ почему въ настоящее время нельзя игнорировать литературно-публицистическіе труды Леонтьева: только теперь многія идеи его становятся ясными, всѣмъ доступными, злободневными и заслуживающими самаго серьезнаго вниманія.

Грозный и знаменательный моментъ переживаемъ мы. Съ величайшимъ напряженіемъ борется Россія съ возставшими на нее со всѣхъ сторонъ врагами. Сейчасъ уже нѣтъ, разумѣется, того идейнаго раздѣленія среди русскихъ людей на два взаимно-отрицающихъ лагеря (славянофилы и западники), которое имѣло мѣсто раньше: въ великой исторической драмѣ какъ бы перерабатываются идейныя основы нашей жизни и на нихъ воздвигается духовное зданіе единой, глубоко сознающей свое призваніе, свою мощь и историческія задачи Россіи.

И если бы кому-либо изъ группы тѣхъ людей, къ которой принадлежали и характеризуемые нами писатели, пришлось дожить

до нашихъ дней, то этотъ человѣкъ, несомнѣнно, исполнился бы глубокимъ душевнымъ удовлетворенiемъ и радостiю, въ сознанiи того, что Россiя познала свое славянское призванiе и творитъ всеславянское дѣло, какъ великую мiровую задачу. Несомнѣнно, что въ настоящiй моментъ мечты многихъ русскихъ людей осуществляются. Наша родина живетъ сейчасъ въ напряженiи матерiальныхъ и духовныхъ своихъ силъ, и для насъ особенно важна эта, такъ сказать, духовная мобилизацiя Россiи.

Все лучшее, что скрывалось доселѣ въ душахъ множества русскихъ людей, появляется сейчасъ на свѣтъ Божiй. Важно не то только, что Россiя и съ ней почти всѣ славянскiе народы духовно объединились въ борьбѣ съ общимъ врагомъ. Наша родина идетъ на бранный пиръ, какъ защитница правды и свободы. Она идетъ на мiровую арену, какъ провозвѣстница новой славянской культуры, культуры сердца и души, христiанскаго смиренiя и идеализма, неизмѣримо превосходящей германскую, только умственную и матерiальную культуру. Несомнѣнно, что основой такой новой культуры можетъ быть только христiанская религiя, и если мы видимъ, что на почвѣ этой же религiи, у нашихъ враговъ возросли сѣмена другой, „сверхчеловѣческой", религiи, ставящей грубую силу выше всякихъ Божескихъ и человѣческихъ законовъ, то причину этого слѣдуетъ искать не въ христiанствѣ, самомъ по себѣ, а скорѣе въ томъ „внѣрелигiозномъ гуманизмѣ и изсушившемъ, обѣднившемъ и обмiрщившемъ христiанство протестантизмѣ", который подмѣнилъ истинное христiанство и низвелъ его до степени практической мiрской морали [1]).

Такимъ образомъ, ясно, что настоящiй великiй историческiй моментъ является знаменательнымъ въ смыслѣ возрожденiя духовныхъ силъ Россiи. Объ этомъ моментѣ страстно мечтали многiе

[1]) С. Булгаковъ. Русск. Мысль 1914 г., декабрь.

изъ идейныхъ руководителей слафянофиловъ. Если все великое въ исторіи творится вѣрою, то русскій народъ и его великая, доблестная армія, творящая сейчасъ на поляхъ битвъ многіе ратные подвиги,—совершаютъ вмѣстѣ, еще и другого рода, не менѣе великій подвигъ,—подвигъ вѣры, смиренія. Будемъ же достойны этого подвига. „Явимъ себя достойными ниспосланнаго намъ жребія... и, вѣрные въ надеждѣ, твердые въ упованіи, будемъ лелѣять и возращать въ сердцахъ нашихъ грядущую, чаемую Россію, и не только Россію, но то, что выше и дороже Россіи, душу ея, святую Русь“.

Е. П. Бѣлоусовъ.

Пьяная Русь.

Къ счастью, теперь уже это—историческое воспоминаніе.

Проф. К. В. Харламповичъ въ январской книжкѣ „Богословскаго Вѣстника“ дѣлаетъ интересную историческую справку по исторіи пьянства на Руси.

Любовь славянъ къ хмельному питью составляла ихъ характерную, національную чарту еще тысячу лѣтъ тому назадъ, такъ что на нее обращали вниманіе иностранцы. Арабскій писатель X вѣка Ибнъ-Фоцланъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, о русскихъ что „они предаются питію вина неразумнымъ образомъ и пьютъ его цѣлые дни и ночи; часто случается, что они умираютъ со стаканомъ въ рукѣ“. Другіе арабскіе писатели подтверждаютъ эту характеристику.

Конечно, можно было бы думать, что въ этомъ отношеніи бытъ русскихъ славянъ измѣнился послѣ крещенія, но въ дѣйствительности этого не было. Вопреки ожиданію, Церковь не отнеслась съ рѣшительною строгостью какъ разъ къ тѣмъ язычe

скимъ обычаямъ, которыми сопровождалось пьянство, и даже какъ будто ихъ одобрила. Креститель Руси Владиміръ, любившій пиры и сдѣлавшись христіаниномъ, продолжалъ устраивать праздничные „столы“, приглашая къ нимъ и духовенство. Ниоткуда не видно, чтобы послѣднее протестовало противъ этого обычая. Не запрещало духовенство и поминальныхъ пиршествъ, практиковавшихся у древнихъ славянъ; напротивъ, оно косвенно ихъ поощряло, какъ отчасти дѣло благотворенія. Не встрѣчали протеста со стороны духовенства и всякаго рода праздничныя пиршества, какія стали устраивать русскіе христіане по образцу языческихъ празднествъ. Явился даже особый обычай, введенный иноками: пѣть, по греческому образцу, за трапезами тропари при каждой чашѣ вина, и любители выпиванія старались пѣть тропарей побольше. Преп. Ѳеодосій Печерскій уже возставалъ противъ этого злоупотребленія и дозволялъ только три тропаря и три чаши.

Не встрѣчая со стороны Церкви достаточнаго противодѣйствія, пьянство на древней Руси нашло для себя даже пріютъ подъ церковнымъ кровомъ. Въ старину у насъ былъ обычай устраивать праздничныя пиршества при самихъ церквахъ, въ особыхъ помѣщеніяхъ называемыхъ трапезами. Приходскіе пиры, или братчины, вели свое начало, несомнѣнно, отъ языческихъ праздничныхъ жертвъ, всегда сопровождавшихся пирами. Пріурочены они были къ мѣстнымъ престольнымъ днямъ и къ такимъ чтимымъ праздникамъ, какъ Рождество, Николинъ день, Петровъ день и проч.

Съ устройствомъ братчинъ соединялись и хорошія цѣли, какъ то: взаимное общеніе членовъ прихода, доставленіе средствъ церковной казнѣ, въ которую поступали иногда доходы отъ свареннаго пива и меда. Но хорошіе цѣли далеко не покрывали соединенныхъ съ братчинами злоупотребленій. Приходскія имущества сплошь и рядомъ сопровождались безобразнымъ пьянствомъ, дра-

ками, ссорами, даже смертоубійствами. Кромѣ пива и меда, здѣсь обильно распивалось и казенное вино, услужливо доставляемое изъ „царева кабака".

Вообще находившаяся рядомъ съ церковью „трапеза" сдѣлалась какъ бы приходскимъ клубомъ, гдѣ вершились всякія приходскія дѣла. Здѣсь устраивались мірскія сходки, отправлялось правосудіе, дѣлались сообщенія о всемъ, что имѣло общественный интересъ, объявлялись и хранились государевы указы. Бывало, что въ трапезѣ шумно отправлялись мірскія дѣла во время самаго богослуженія. Въ 1652 году, напримѣръ, заказной староста—діаконъ Никольской церкви, Черевковской волости, Устюжскаго уѣзда, писалъ царю Алексѣю Михайловичу, что „когда во святыхъ Божіихъ церквахъ поютъ вечерню или заутреню, и молебны, и часы, и святую литургію, и въ то время въ трапезѣ са столами сидятъ судьи и цѣловальники, и денежные сборщики съ дьячками, берутъ всякіе государевы доходы, дань и оброкъ, и многажди бываетъ во время святыя литурги и шумъ и крикъ великъ,—земскіе судейки суды судятъ и всякіе совѣты совѣтуютъ мірскіе, и приставы на правежѣ держатъ крестьянъ, правятъ и въ колоду садятъ всякихъ пенныхъ людей, а колода устроена въ трапезѣ.

Случалось, что „во время божественнаго пѣнія проходятъ въ трапезу и въ церковь кабацкіе цѣловальники и съ приставами и съ кабацкими ярыжками, имаютъ всякихъ чиновъ людей въ напойныхъ деньгахъ, и люди смятутся въ церкви и въ трапезѣ,—бываетъ въ то время у нихъ шумъ и крикъ великъ, что церковнаго пѣнія не слышатъ". По словамъ названнаго діакона, безчиніе въ трапезахъ умножалось въ праздничные дни, когда тамъ пили пиво и происходили брань и драки. На увѣщанія священника прихожане твердили, что „у насъ де то издавна зачалось, были де прежде попы и лучше васъ, а намъ про то не запрещали, сами съ нами пили и насъ благословляли".

Что происходило въ трапезѣ по праздникамъ, рисуетъ та же челобитная. „Да у нихъ же бываетъ по владычнымъ праздникамъ, или въ которой волости храмъ святому, и крестьяне варятъ пиво на поварнѣ и привозятъ къ праздничной вечерни бочекъ по десяти и больше, и ставятъ бочки въ трапезу, нацѣдятъ пива въ сосуды и приносятъ въ церкова, и поставятъ на столъ передъ Владычнымъ образомъ, или Пречистыя Богорицы, или которой во имя храмъ праздникъ, отпоютъ святую литургію и надъ кануномъ, и крестьяне соберутся въ трапезу пиво пити и напьются допьяна; и бываетъ отъ пьяныхъ шумъ великъ и брань неподобная и срамословіе, у нихъ между собою о пивѣ драка и шумъ и вопль и срамословятъ всякія словеса безстыдно“. Подобныя же явленія происходили при отпѣваніи покойниковъ, когда въ трапезѣ справляли тризну, и при вѣнчаніяхъ, когда здѣсь устраивались свадебные обѣды и ужины.

Въ рождественскіе и крещенскіе дни въ трапезахъ бывали вечеринки съ пѣснями и играми. Бывало, что на варку праздничнаго пива ассигновалась часть денегъ и изъ церковной казны. Упомянутый діаконъ говоритъ, что „на всякой годъ, на владычные и храмовые праздники, варятъ пивъ по двѣнадцати и больше, солодъ собираютъ міромъ, а хмель курятъ на церковныя деняги“.

Церковная власть въ старой Руси всячески старалась въ XVII вѣкѣ перенести мірскія сходки и обсужденіе мірскихъ дѣлъ, а также и непристойныя пиршества изъ трапезъ въ другія мѣста. Но достигнуть этого было трудно, пока реформы Петра Великаго не расшатали весь прежній земскій и приходскій бытъ. Пока существовала приходская самостоятельность, прихожане на всѣ замѣчанія отвѣчали, что храмъ и трапеза принадлежатъ имъ. Однако и въ XVII вѣкѣ обычай приходскихъ пиршествъ еще далеко не повывелся. Изъ одного документа средины XVIII стол. видно, что въ архангельской епархіи прихожане попрежнему собирались

при церкви, въ трапезахъ и на папертяхъ, привозили съ собою пиво и напивались допьяна, при чемъ возникали ссоры и драки. Одна такая братчина кончилась столь сильнымъ пораненіемъ священника, что онъ черезъ мѣсяцъ умеръ. Этотъ случай подалъ поводъ архангельскому епархіальному начальству къ повсемѣстному запрещенію распитія пива въ трапезахъ.

Къ концу XVIII вѣка, повидимому, братчины были вытѣснены изъ трапезъ; но онѣ не прекратили своего существованія, а стали устраиваться въ частныхъ домахъ, при чемъ попрежнему въ нихъ принимало участіе и духовенство.

Эта историческая справка многое объясняетъ и въ самой живучести исконнаго русскаго недуга. Весьма вѣроятно, что если бы церковь сразу стала во враждебное отношеніе къ пьянству, то оно бы постепенно ослабѣло. Церковное же попустительство, благодушное отношеніе къ народной слабости упрочили ея развитіе и укорененіе. Что было всего хуже, само духовенство вполнѣ раздѣляло этотъ недугъ съ народомъ и уже потому не могло энергично бороться съ нимъ, когда высшая церковная власть и выступила на таковую борьбу. Такъ старое русское пьянство дожило и до нашихъ дней, когда, наконецъ, духовенство дружными усиліями въ насажденіи трезвости не отплатило съ лихвой свой историческій грѣхъ. Къ тому же, и съ другой стороны, со стороны правительства рѣшительнымъ шагомъ народному пьянству положенъ, если не конецъ, то предѣлъ, приближающій къ желанному концу.

„Совр. Лѣтоп.“.

Изъ церковно - общественной жизни.

Къ увѣковѣченію памяти воиновъ.

Правленіе учрежденнаго въ Петроградѣ новаго общества „Са-

модѣятельная Россія", желая принять участіе въ великомъ дѣлѣ увѣковѣченія памяти павшихъ воиновъ, выработало въ русскомъ стилѣ „доску-памятникъ", на которой должны начертываться имена павшихъ русскихъ героевъ. Эти „доски-памятники" назначены для постановки въ храмахъ, молитвенныхъ домахъ, на кладбищахъ, на поляхъ сраженій, на братскихъ могилахъ, въ учрежденіяхъ правительств. обществ. учебныхъ, воинскихъ и сословныхъ, членами которыхъ состояли павшіе воинскіе чины. Эти „доски-памятники" могутъ быть разныхъ размѣровъ, изъ разнаго матеріала (металла, мрамора и пр.) и разной отдѣлки. „Колоколъ",

Русская лепта на протестантскую нѣмецкую миссію.

Во всѣхъ лютеранскихъ церквахъ Прибалтійскаго края, разсказываетъ „Рижск. В." производятся сборы на миссіонерскую дѣятельность. Собранныя деньги отправляются германскому миссіонерскому обществу въ Лейпцигѣ. Отдѣлы названнаго общества раскинуты по всему міру. Небезынтересно взглянуть на дѣятельность названнаго общества въ Россіи. Оказывается, что пожертвованія изъ Россіи являются однимъ изъ главныхъ источниковъ дохода Лейпцигскаго общества. Какъ видно изъ послѣдняго отчета пожертвованій, въ пользу общества поступило изъ Пруссіи 29.380 мар., Баваріи 94.850 мар., Саксоніи 239.063 марки, Мекленбурга 37.966 мар., Россіи 101.491 мар. Изъ послѣдней суммы одинъ Петроградъ даетъ 41.023 марки. На Эстляндскую губернію приходится 18.326 марокъ. Для сравненія можно указать, что лютеранская Швеція дала за отчетный годъ лишь 25.000 мар., а такой торговый городъ, какъ Бременъ, лишь 10.000 марокъ.

Протестантская заграничная миссія своими средствами самымъ дѣятельнымъ образомъ поддерживаетъ пропаганду протестантизма въ видѣ штундобаптизма. „Колоколъ".

„Новый Петроградскій университетъ.

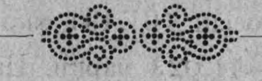
Проектъ устава психоневрологическаго института представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Во-первыхъ, названіе „Психоневрологическій институтъ“ сохраняется, какъ общее названіе учено-научнаго учрежденія, объединяющаго всѣ учебныя и ученыя учрежденія, находящіяся въ вѣдѣніи этого института. Нынѣшнее высшее учебное заведеніе, извѣстное подъ названіемъ психоневрологическаго иститута, переименовывается въ „Новый Петроградскій университетъ“.

Въ новый университетъ принимаются лица обоего пола, окончившія полный курсъ въ классической гимназіи, реальномъ училищѣ, учительскомъ институтѣ, православной духовной семинаріи, среднемъ техническомъ училищѣ, кадетскомъ корпусѣ или иномъ военномъ училищѣ, женской гимназіи, институтѣ и другихъ правительственныхъ или частныхъ съ правами соотвѣтствующихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Для пріема лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія въ число студентовъ новаго университета устанавливается 10-процентная норма по общему числу студентовъ. Безъ ограниченія нормой принимаются лица женскаго пола и вольнослушатели іудеи.

Новый уставъ вводится въ дѣйствіе съ начала 1915—16 учебнаго года. „Колоколъ“.

Редакторъ неоффиціальнаго отдѣла, Преподав. Витебской Духовной Семинаріи **Н. Богородскій.**

Печатать разрѣшается 19 мая 1915 года.
Цензоръ преподаватель семинаріи протоіерей **В. Добровольскій**

Печатать разрѣшено военной цензурой.

Печатано въ типографіи Манковича и Сроіоловича.